

ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА НА ЛАТИНСКУЮ БОТАНИЧЕСКУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ

Почти полвека тому назад вышла в свет книга Жака Андре «Ботаническая терминология в латинском» [André J. *Lexique des termes de botanique en latin*. Paris, 1956], покрывавшая одну из самых серьезных лакун в представлении филологов-античников о специфических, или, как принято говорить, технических областях латинской лексики. Книга заслужила высокую оценку Альфреда Эрну [см. Ernout A. *Le vocabulaire botanique latin*. *Philologica III. Études et commentaires*, v. 59. Paris, 1965. С. 122-150], прежде всего, за широкий временной охват представленного материала, – начиная от самых древних текстов и вплоть до памятников VIII-IX вв. А. Эрну одобрил и объем использованной литературы: помимо «Естественной истории» Плиния Старшего, латинских переводов Диоскорида и Орибасия, трактатов по сельскому хозяйству Катона, Варрона, Колумеллы, Палладия и поэм Вергилия, Андре привлек работы латинских медиков и ветеринаров – Цельса, Пелагония, Вегеция и других, и даже «Наставление о пище» (*De observatione ciborum*) Анфима и «О кулинарном искусстве» (*De re coquinaria*) Апиция.

Ознакомившись с содержанием работы Андре, которая по существу представляет собой словарь латинских ботанических терминов, Эрну предлагает разделить их на четыре основные группы. К первой группе он относит слова непроемные или образованные суффиксальным способом, которые имеют соответствия в родственных латинскому языках и, следовательно, имеют индоевропейское происхождение. Эта группа невелика по объему (около 30 терминов); соответствия латинским названиям, приводимые Эрну, встречаются главным образом в языках северо-западного и.-е. ареала.

Во *вторую* группу, значительно бóльшую по количеству терминов, Эрну включает изолированные слова, не имеющие надежного объяснения; нельзя с полной уверенностью говорить об их индоевропейском происхождении и считать, что латинский был единственным языком, который их сохранил. Это могли быть слова, усвоенные из тех языков, на которых говорило местное население Италии до вторжения латинян; но также эти слова могли быть и заимствованиями, «пришедшими, – по выражению Эрну, – неизвестно откуда, каким путем и в какое время» [Ernout 1965 : 128]. Как ни странно, к числу слов загадочного происхождения относятся самые общие по значению ботанические названия, такие как ‘трава’ (*herba*), ‘ягода’ (*bāca*), ‘лес’ (*silva*), ‘дерево’ (*arbor*). Латинский язык утратил общеиндоевропейскую основу *t'e/oru- / *t're/ou- ‘дерево’,

представленную во всех основных индоевропейских диалектах, в том числе «древнеевропейских» [см. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 612], и заменил ее древней основой сред. р. на -os (*arbos), впоследствии ставшей существительным жен. р. по образцу других названий деревьев. Также не имеют надежной этимологии многие названия овощей (allium ‘чеснок’, bēta ‘свекла’, brassica ‘капуста’, sēra ‘лук’, corrūda ‘дикая спаржа’), отдельные виды деревьев (abies ‘ель’, taxus¹ ‘тис’, tilia ‘липа’ и др.). И заканчивает Эрну перечень слов второй группы ботаническими названиями, засвидетельствованными в очень позднее время, которые, как он считает, никогда и не принадлежали собственно латинскому языку, однако отражение некоторых из них можно встретить в романских языках или диалектах, например turbiscus (-cum) ‘волчье лыко’ (IV в.) – сард. triuscu, исп. torvisco; pimpinella (другие формы pipinella, piponilla etc.) – франц. pimprenelle ‘кровохлебка’.

При формировании *третьей* группы Эрну отступает от генетического принципа, который был положен им в основу выделения первой и второй групп латинских ботанических терминов. В третью группу Эрну включает только *производные* слова, корень которых – именной или глагольной – известен. Это могут быть слова, образованные суффиксальным способом или путем словосложения. Однако, помимо морфологического критерия, Эрну вводит и семантический: этимология производного слова должна содержать указание на реальный или предполагаемый характерный признак, свойственный растению или его части. В качестве примера приводится название *дубровки трилистной* – *abiga, ae f*, растения, вызывающего преждевременные роды или выкидыш; это название связывали с глаголом *abigo* в специальном значении ‘изгонять, вытравливать плод’². Название дуба, *rōbur, oris n*, древнего образования ср. р. на -os (Катон Agr. 17.1 употребляет форму *rōbus*), по свидетельству ан

¹ Taxus в латинском было вытеснено *ivus*, поздним заимствованием из галльского, зафиксированным в глоссах; ср. франц. *if* ‘тис’. Гамкрелидзе и Иванов на основании свидетельств целого ряда древних индоевропейских диалектов предполагают для и.-е. названия ‘тиса’ форму *ei-/*oi-, осложненную различными суффиксами, в том числе суффиксом *-uo-, что мы имеем в ряде кельтских форм, среди которых и галл. *ivo-* ‘тис’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984 : 629]. Однако при систематизации растений Линдсеем в качестве термина для обозначения ‘тиса’ взято *Taxus*.

² Значения глагола *abigo* (< *ab* + *ago* ‘гнать’) весьма разнообразны: 1. перегонять (стада овец) 2. отгонять (мух) 3. угонять, похищать (скот) 4. отводить (реку) и т.д.

тичного грамматика (P.F. 371), связано с цветом древесины, ср. *tuber, robus* ‘красный’. Эрну полагает, что средний род этого существительного, необычный в названиях деревьев, которые, как правило, были словами женского рода, объясняется тем обстоятельством, что слово *robis* первоначально обозначало сам цвет и лишь впоследствии было присвоено дереву из-за окраски его коры или осенних листьев. В этой категории слов оказалось и название ‘осины’ *tremulus, ī f*, по образованию, очевидно, субстантивированное прилагательное от глагола *tremo* ‘дрожать, трепетать’ (*tremulus* ‘трясущийся, дрожащий’); дерево было названо так за постоянно трепещущие листья. Поздняя фиксация этого названия ‘осины’ (IV в. н.э., Plin. Val.) может свидетельствовать о латинском новообразовании, поскольку для ‘осины’ предполагается наличие более древней основы *(H)osp- в отдельных и.-е. языках (балто-славянских, германских, предположительно и в других; см. Гамкрелидзе, Иванов 1984 : 627). Лат. *tremulus* нашло свое отражение в романских языках: франц. *tremble* ‘осина’.

Ограничившись рассмотрением еще нескольких терминов, образованных бессуфиксальным способом, Эрну остальные слова третьей группы разбивает на *подгруппы* в соответствии со словообразующим суффиксом. Здесь прежде всего выделяется наиболее широко представленный тип форм на *-āgō, -īgō, -ūgō*. Все слова этой подгруппы являются названиями растений (не всегда опознанных); этимология названий устанавливается более или менее точно благодаря связи с известным латинским словом:

caprāgō, inis f ‘трава для коз’, от *capra* ‘коза’ (коз принуждали есть эту траву, чтобы получить молоко, используемое в медицинских целях, ср. Plin. Val. 3. 9);

plantāgō, inis f ‘подорожник’, от *planta* ‘ подошва ноги’, намек на форму листьев некоторых разновидностей этого растения;

sōlāgō, inis f ‘гелиотроп’, от *sōl* ‘солнце’ и многие другие.

Производные этого древнего типа, каким, например, является *plantāgō*, быстро получили широкое распространение и служили латинизации греческих слов; так, *sōlāgō* употреблялось наряду с греч. *hēliotropium, ī n; -tropia, ae f*, заимствованным из греч. ἡλιότροπιον ‘цветок, который раскрывается и закрывается вместе с солнцем’.

Небольшую подгруппу образуют названия растений на *-aster, -astrum*; эти производные по своей семантике отмечают родство или принадлежность к чему-либо и могут иметь пейоративное значение; имена этой подгруппы часто имеют дублиеты или с суффиксом *-āgō* или с уменьшительными суффиксами: *oleaster, ī m* ‘дикая олива’ наряду с *oleāgō, inis f* ‘карликовый лавр с листьями, похожими на листья оливы’; аналогично *pirastrum, ī n* ‘дикая груша’ от *pirus, ī f* ‘груша’.

В особую подгруппу объединены уменьшительные производные разного вида, ввиду большой численности взятые Эрну не в полном объеме, а лишь выборочно. Наиболее ясные образования:

gladiolus, *ī m* ‘гладиолус’, от *gladius*, *ī m* ‘меч’; растение получило свое название за форму листьев;

hirculus, *ī m* букв. ‘козлик’, от *hircus*, *ī m* ‘козел’; растение с неприятным запахом;

gānunculus, *ī m*, от *gāna* ‘лягушка’ – водяное растение.

Народный характер большинства названий растений данной подгруппы объясняет обилие диминутивов, которые часто являются дублетами, например, *nucula*, *nucicla*, *nucella*, *nuculeus* ‘орешек’, от *nux*, *nucis f* ‘орех’.

Едва ли не самую значительную по количеству подгруппу ботанических названий составляют субстантивированные прилагательные, чаще всего женского рода, что заставляет предполагать наличие при них эксплицитно не выраженного существительного *herba* ‘трава’. Эрну выделяет среди этих адъективов несколько типов суффиксальных образований:

1. на *-ālis*, *-āris*, *-āria*: *asināria* (от *asinus* ‘осел’) ‘трава, действующая, как яд, на лошадей и ослов’; *muscāria*, *pēdiculāris*, *-ria*, *pulicāris*, *-ria*, *pulicatōria*, *tiniāria*: ‘трава против мух, вшей, блох, моли’ и мн. др.

2. на *-cus*, *-ca*: *lactūca* и *lactūcula* (от *lac*, *lactis n* ‘молоко’) ‘трава, выделяющая сок молочного цвета’;

3. на *-eus*, *-ius*: *ricea* ‘ель’ (от *rix*, *picis f* ‘смола’) и другие прилагательные на *-ceus*, *-cius*, *-ānus*, *-īnus*, *-ōsus*, *-ātus*.

Последняя подгруппа производных образований представлена сложными словами или синтаксическими группами: существительное + прилагательное, существительное + генитивное определение. В синтаксических группах смешиваются собственно латинские образования и кальки с греческого: эти два разные типа не всегда можно различить. Из числа сложных слов, прежде всего, следует отметить множество композитов с *-folium* ‘лист’: *aquifolium* / *acrifolium* ‘остролист’; *-folium* часто сочетается с числительными: *trifolium*, *quinque-*, *centi-*, *mille-* и др., как в греческом *τρί-*, *πέντε-*, *μυρίο-φύλλον* и т.п. Однако вторым членом при словосложении могли выступать и другие части речи, не обязательно существительные, например: *calci-*, *saxi-fragā* (*-fragā* от *frango* ‘ломать’; оба слова могут обозначать два растения: 1. камнеломка 2. лекарственное растение, растворяющее или изгоняющее камни); *febrifugia* ‘противолихорадочное, жаропонижающее растение’. Название одного из сортов кресс-салата, *nasturcium*, *-tium ī n*, истолковывалось древними учеными, например Варроном, как ‘то, что (заставляет)

отворачивать нос' (Var. Men. 384 *nasturcium non vides ideo dici quod nasum torqueat*); возможно, это всего лишь народная этимология. Синтаксические группы чаще всего образованы из существительного, обозначающего какую-либо часть тела, и прилагательного: *auricula asinīna* 'ослиное ушко' или существительного в род. п.: *auricula leporis* 'заячье ушко'. Отдельные растительные названия этого типа имеют параллели в современных языках: лат. *barbula hirci* 'козлиная борода' представлено во французском как *barbe de bouc* 'козлобородник'.

В четвертую особую группу Эрну выделил заимствования, преимущественно греческие, включенные Андре в латинский ботанический словарь. Принцип отбора этих заимствований вызвал со стороны Эрну несколько серьезных критических замечаний. Греческие названия растений представлены в книге в таком множестве, что «некоторые страницы кажутся целиком взятыми из “Греческой ботанической терминологии”» [Ernout 1965 : 145]. Эрну считает вполне закономерным наличие в книге Андре очень древних и укоренившихся в латинском языке таких заимствований из греческого, как *salamus* 'тростник', *oliva* 'оливковое дерево', также слов из средиземноморских языков, вошедших в латинский словарь или напрямую или через посредство греческого – *figus* 'фиговое дерево, смоковница', *īlex* 'каменный дуб', *mālus* 'яблоня', *pārus* 'брюква', *platanus* 'платан' и др. Некоторые названия растений сохраняли свою греческую форму – *cytīsus* 'разновидность люцерны', *ebenus* 'эбеновое дерево', *phasēlus* 'фасоль', другие ее модифицировали: наряду с формой *cuparissus* (< греч. *κυτόρισσος*)³, встречающейся у Вергилия в конце стиха ради метрического удобства, существовала более обычная форма *cupressus* (Enn. Ann. 262 *longique cupressi stant rectis foliis* 'и стоят высокие кипарисы с прямыми листьями'; несколько случаев у Катона, напр. Agr. 48. 1 *semen cupressi* 'саженец кипариса'). Нередко адаптация значительным образом изменяла вид оригинала: греч. *ἀμυγδάλη* 'миндаль' имеет несколько латинизированных форм, среди них *amandula* и *amandola*, давшие франц. *amande* 'миндаль'. Все эти более или менее латинизированные формы могли означать и 'миндальный орех' и 'миндальное дерево'; для названия последнего был и синоним *amandalarius* (франц. *amandier*)⁴.

³ Лат. название кипариса заимствовано, как и греч. *κυτόρισσος* из средиземноморского или какого-либо восточного языка [André 1956 : 109].

⁴ По замечанию Эрну, в довольно позднее время в латинском языке появилась тенденция замещать древнее название плодоносящего дерева, совпа-

Основную причину чрезмерного количества греческих ботанических терминов в книге Андре А. Эрну видит в том, что большинство работ латинских авторов по ботанике представляет собой не самостоятельные описания, а скорее компиляции работ греческих ученых. Латинские авторы довольствовались воспроизведением (транскрипцией) греческих названий растений, вместо того чтобы искать им соответствия в собственном языке; и хотя сам Андре признавал, что эти авторы дают массу названий, которые, возможно, никогда не употребляли латиняне, тем не менее он не решился их отбросить. То, что многие транскрипции греческих слов не оставили никакого следа ни в латинском, ни в романских языках, Эрну считает важным аргументом за исключение этих слов из латинского ботанического словаря. На нескольких конкретных примерах Эрну показывает, что у Андре нет четкой позиции в атрибуции подлинных заимствований из греческого и транскрипций греческих названий растений. Книга Андре значительно выиграла бы в ясности, если бы все термины, которые реально не употреблялись в латинском языке, были даны отдельно в Приложении. В противном случае может создаться искаженное впечатление о реальном числе заимствований из греческого, а вклад латинских образований соответственно покажется заниженным.

В заключение Эрну останавливается на семантическом аспекте работы Андре: определить значения собранных слов было делом весьма непростым и довольно рискованным, поскольку описания растений, сделанные древними ботаниками, и неточны и неполны. Одно и то же название могло использоваться для нескольких видов растений, или, напротив, один и тот же вид получал несколько названий. Кроме того, в современной ботанической номенклатуре произошли значительные изменения: сохранившиеся с античности названия обозначают теперь совсем не те растения, что они обозначали в латинском или греческом. Достаточно вспомнить упомянутое название кресс-салата, *nasturcium*, которое в настоящее время этого значения не имеет. *Настурция* – это род *трав* семейства *настурциевых*, насчитывающий около 80 видов; несколько видов растений возделывают как декоративные. Кресс-салат – травянистое растение из рода *клоповник* семейства *крестоцветных*; его листья используют как приправу. При работе над книгой Жаку Андре предстояло выполнить труднейшую работу ботаника и филолога одновременно; по оценке Эрну, автор достойно справился с поставленными задачами, используя большую научную литературу,

дающее с названием его плода, производным на *-ārius*: *amandalārius* ‘миндальное дерево’, но *amandula* ‘миндаль (орех)’ [Ernout 1965: 144].

включая самую современную. Что касается предложенной самим Эрну классификации латинской ботанической терминологии по четырем категориям, ценность ее, несмотря на некоторые недостатки, не подлежит сомнению, поскольку способствует дальнейшим лингвистическим исследованиям в одной из специальных областей латинской лексики.

Е. В. Илюшечкина

«ГЕОГРАФИЯ» ЭРАТОСФЕНА КАК ИСТОЧНИК ПЕРИЭГЕЗЫ ДИОНИСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Проблема источников географической поэмы Дионисия Александрийского (Периэгета) «Описание ойкумены» (II в. н.э.) весьма сложна и запутана¹. Разнообразие свидетельств и совпадений в перечнях рек, морей, гор, городов, народов и т.п. заставляет думать, что Дионисий использовал в качестве своих источников сочинения предшественников, по преимуществу античных авторов историко-географических трудов, многие из которых утеряны для нас безвозвратно². Сопоставление ряда фрагментов Эратосфена Киренского (III в. до н.э.) с аналогичными по содержанию и лексике пассажами Дионисия позволяют прийти к выводу, что в качестве одного из своих источников Периэгет привлек труд Эратосфена по географии. Так, ст. 608-610 «Описания ойкумены», в которых говорится о расположенном на о-ве Икар в Персидском море святилище богини Таврополы, находят параллель у Страбона со ссылкой на Эратосфена (*Strabo XVI 3, 2 = Eratosth. fr. III B 39 Berger*). Эпиклезой Ταυροπόλα («Волопаска») наделялись Афина и Деметра, которым приписывались функции покровительниц животных, однако чаще всего определение «Тавропола» соотносилось с Артемидой, культ которой был распространен в Средиземноморье (в материковой Греции, в греческих полисах южной Италии и Малой Азии, на о-вах Самос, Икар и др.) и в Понте³.

¹ Издания текста Дионисия Периэгета: *Geographi Graeci Minores* / ed. G. Bernhardt. Bd. I. Leipzig, 1828; *Geographi Graeci Minores* / ed. C. Müller. T. II. Parisii, 1861. P. 103-176; *Dionysiou Alexandreos oikumenes periegesis, kritike ekdose* / ed. I.O. Tsavari. Ioannina, 1990; *Dionysios von Alexandria. Das Lied von der Welt. Zweisprachige Ausgabe* v. K. Brodersen. Hildesheim, Zürich, New York, 1994.

² *Göthe A. De fontibus Dionysii Periegetae* (diss.). Gottingae, 1875.

³ Подробнее о культе Артемиды Таврополы в Таврике и, в частности, в Херсонессе, см.: *Латышев В.В. Гражданская присяга херсонесцев // Ла-*

Издатель фрагментов Эратосфена Г. Бергер возводит ст. 311-313 Дионисия («Устье Борисфена... лежит на прямой линии против Кианеев») к тексту Эратосфена, что по мнению издателя может свидетельствовать о знакомстве Дионисия с сеткой меридианов Эратосфена, который помещал устье Борисфена на одной оси с Кианеями (fr. III A 38 Berger)⁴. Схожим образом у Эратосфена и Дионисия описываются горная цепь Тавра, разделяющая Азию на северную и южную части (*Eratosth.* fr. III A 5 Berger; *Dion. Per.* 638-643), и три полуострова (Иберийский, Апеннинский, Балканский) на юге Европы (*Eratosth.* fr. III B 97 Berger; *Dion. Per.* 331-333). По словам Страбона, Эратосфен полагал, что «Индия имеет ромбовидную форму» (ῥομβοειδής) (*Strabo* II 1, 22; XV 1, 11 = *Eratosth.* fr. III B 5-6 Berger). Не исключено, что к этому свидетельству Эратосфена восходит суждение Дионисия о том, что Индия по форме напоминает ромб (ἀλιγκίη εἶδει ῥόμβου, *Dion. Per.* 1131). По-видимому, прилагательное ῥομβοειδής Эратосфена не укладывалось в гекзаметр, и Дионисий перифразировал его по собственному усмотрению.

Начиная с Арата из Сол (III в. до н.э.) эллинистические авторы дидактических поэм в стихотворной форме – по большей части, дактилическим гекзаметром – перелагали чужие научные теории или сведения из области астрономии, медицины, природоведения и т.п. При этом основная задача заключалась в демонстрации собственного поэтического мастерства, ради чего предмет науки подчинялся требованиям поэзии (ср. *Cic.* *De orat.* I 16, 69). Дидактический характер поэмы Дионисия вынуждает ее автора, подчас пренебрегающего точностью фактов или реалий, заботиться о поэтической лексике, перифразах, сравнениях, метафорах, мифологических отступлениях и о доходчивой подаче географического материала. Было бы неверным считать Дионисия самостоятельным исследователем – подобно другим дидактическим поэтам, он излагает гекзаметром свидетельства предшествующей географической традиции, не ссылаясь прямо на свои источники, среди которых, возможно, был и Эратосфен (или, по крайней мере, его позднее переложение).

тышев В.В. ПОНТИКА. СПб, 1909. С. 159-160; Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 134-136; Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 37; Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.

⁴ Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880.